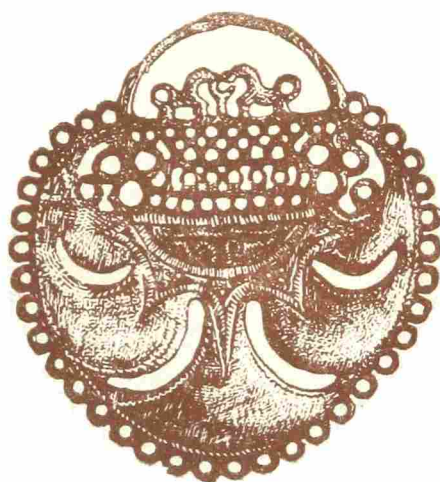

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2
1986

3. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.
4. Andronikos M. Die Königsgrober von Vergina. Ahten, 1980.
5. Манцевич А. П. Открытие царской гробницы у деревни Виргина в Северной Греции.— ВДИ, 1980, № 3.
6. Галанина Л. К. Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
7. Richter G. M. A. Ancient Furniture. Oxf., 1926.
8. Тереножкин А. И., Кубышев А. И., Ильинская В. А. и др. Отчет о работе ХАЭ в 1973 г.— Архив ИА АН УССР, № 1973/10.
9. Бокий Н. М. Скифские курганы в бассейне р. Б. Высь на Кировоградщине.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
10. Болтрик Ю. В., Савовский И. П., Болдин Я. И. и др. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1977 г.— Архив ИА АН УССР, № 1977/14.
11. Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Евдокимов Г. Л. и др. Отчет о работе ХАЭ в 1976 г.— Архив ИА АН УССР, № 1976/11.
12. Кубышев А. И. Отчет о работе ХАЭ в 1980 г.— Архив ИА АН УССР, № 1980/15.
13. Тереножкин А. И. Отчет о работе скифской Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР.— Архив ИА АН УССР, № 1962/8.
14. Евдокимов Г. Л., Поруцкий А. Г., Гершкович Я. П. Отчет о раскопках курганов и поселения Краснознаменской новостроечной экспедицией в Херсонской обл. в 1981 г.— Архив ИА АН УССР, № 1981/21.
15. Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе — КСИА, 1955, вып. 5.
16. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866, вып. II.
17. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в Собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Ленинград: Артия — Сов. художник, 1966.
18. Марти А. Ю. Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки.— СА, 1940, № 6.
19. Сокольский Н. И. Боспорские глиняные шкатулки.— ЗОАО, 1960, т. I (34).
20. Древности Боспора Киммерийского. Т. II. СПб., 1854.
21. ИАК, 1910, вып. 35.
22. ИАК, 1904, вып. 9.

Т. Н. БУЛЫГИНА

НОВЫЕ НАХОДКИ ЕГИПЕТСКИХ ИЗДЕЛИЙ В ФЕРГАНЕ

Предметы египетского импорта не принадлежат к числу массовых находок на территории Средней Азии. В основном они происходят с территории Северной Бактрии [1, с. 59, 61]; в других районах Средней Азии находки единичны или отсутствуют совсем.

В Фергане предметы египетского происхождения представлены несколькими дольчатыми бусинами и амфоровидными подвесками, обнаруженными в курумах северо-западной Ферганы [2, с. 138, 139], а также находкой подвески в виде виноградной грозди в могильнике Гур-Мирон в западной Фергане [2, с. 139]. Особый интерес вызывают находки в курганах юго-западной Ферганы двух предметов из египетского фаянса — подвески в виде гениталий и кулачка-«кукиша»¹ — это первые находки таких предметов в Фергане.

Могильник Тапшрават VIII, в котором были обнаружены обе подвески, насчитывает свыше 60 курганов. Основная часть погребений могильника совершена в катакомбах, два погребения находились в подбоях и три — на уровне древнего горизонта. В целом могильник датируется первой половиной I тыс. н. э. Выделяются две хронологические группы курганов: первых веков нашей эры и середины I тыс. н. э.

Подвеска фертообразной формы в виде гениталий происходит из кург. 31. Она оттиснута в односторонней форме: обратная сторона ее совершенно плоская и покрыта голубой глазурью, более светлой на выступах. В верхней части сделана петелька для подвешивания. Размеры (в мм): высота 20, ширина 11, толщина 8 (рис. 1, 1).

Курган 31, где была найдена подвеска, относится к ранней хронологической группе и датируется первыми веками нашей эры. Под насыпью, на уровне древнего горизонта, обнаружено несколько выкладок из круп-

¹ Н. Г. Горбунова упоминает о находке подвески в виде кулачка-«кукиша» в могильнике Хапгиз-1 [3, с. 33]. Благодаря любезности Н. Г. Горбуновой мы рассмотрели эту подвеску в фондах Гос. Эрмитажа и полагаем, что она изготовлена из стекла.

ных камней: в центре — прямоугольная выкладка (размеры $2,2 \times 1,2$ м); в юго-западном секторе — выкладка в виде кольца (диам. 1,2 м) с неглубокой ямкой в центре; у западного края — скопление камней, лежащих на материке; в северо-западном секторе — выкладка полукольцевидной формы, сложенная из крупных камней, также положенных на материк [4, с. 24].

В катакомбе была погребена женщина². Она лежала на спине, головой на северо-восток, лицом вверх, руки вытянуты и слегка раскинуты в стороны, ноги в позе всадника. Справа от черепа лежали кости барана (нога, лопатка). Слева стоял большой гончарный красноангобированный сосуд с шаровидным туловом, широким дном и низким широким горлом.

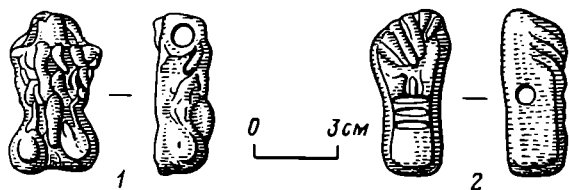

Рис. 1. Подвески из могильника Ташават VIII (Фергана). 1 — кург. 31; 2 — кург. 28

Подвеска обнаружена на ребрах погребенной. Вероятно, она входила в состав ожерелья вместе с одиннадцатью бочон-

ковидными бусинами из голубого прозрачного стекла, тремя шаровидно-сегментовидными бусинами из синего прозрачного стекла, двумя шаровидными бусинами из коричневого непрозрачного стекла с тремя двуслойными глазками (белый слой перекрыт коричневым), двумя шаровидно-сегментовидными бусинами из темного непрозрачного стекла, одной цилиндрической бусиной из черного полупрозрачного стекла с желтыми и зелеными пятнами, одной четырехугольной сжатой бипирамидальной бусиной без срединного ребра из светло-коричневого прозрачного стекла, четырьмя шаровидно-сегментовидными бусинами из коричневого непрозрачного стекла, одной биконической бусиной из белого непрозрачного стекла, одной дольчатой бусиной из бежевого непрозрачного стекла, одной трехчастной бусиной из коричневого непрозрачного стекла, одной двухчастной бусиной из темного непрозрачного стекла, одной длинной и тонкой цилиндрической бусиной из зеленоватого прозрачного стекла, покрытого красной облицовкой и двумя шаровидными бусинами из черного непрозрачного стекла. Около черепа обнаружены пять цилиндрических бусин из голубого прозрачного стекла, одна шаровидная бусина из белого непрозрачного стекла, одна двухчастная бусина из коричневого непрозрачного стекла, одна дольчатая бусина из бежевого непрозрачного стекла, одна шаровидная бусина из темного непрозрачного стекла. Кроме того, при погребенной находились: арбалетовидная бронзовая фибула, лежащая между плечевой костью правой руки и грудной клеткой; обломок бронзовой фибулы (трудноопределимой) около правой голени; крупная железная округлорабочая пряжка, лежащая между бедренных костей.

Подвеска в виде кулачка-«кукиша» происходит из кург. 28, отнесенного ко второй хронологической группе (середина I тыс. н. э.). Подвеска изготовлена в односторонней форме и покрыта светло-голубой глазурью³. Она довольно массивная, с толстым подпрямоугольным в сечении стержнем. Сам кулачок выполнен очень реалистично, хорошо выделены пальцы, подчеркнуты все рельефные выступы ладони. Ногти обозначены более светлой, почти белой глазурью. На запястье намечены два валика, видимо, имитирующие браслеты или складки кожи на запястье, как предполагает Е. М. Алексеева (рис. 1, 2) [5, с. 47].

В катакомбе кург. 28 обнаружены три разновременных погребения. Первоначальное погребение (1) было помещено около задней (юго-вос-

² Определение Г. П. Романовой (ИА АН СССР).

³ Ю. Л. Шапова считает, что данная подвеска изготовлена скорее всего из стекла в той же форме, в которой изготавливались аналогичные подвески из фаянса. Подвеска в виде гениталий безусловно фаянсовая.

точной) стены катакомбы. Рядом с ним находилось второе погребение (2а). Третье погребение (2б) было положено на ноги второго. Все погребенные лежали на спине головой на северо-восток, возможно, в гробовищах. При погр. 1 рядом с голенью левой ноги лежали обломки железного ножа. На костях правой кисти у погр. 2а обнаружено пластинчатое бронзовое кольцо, на костях левой — бронзовый перстень с овальным щитком. Подвеска-«кукиш» найдена в области грудной клетки и, видимо, входила в состав ожерелья вместе с 9 округло-сегментовидными бусинами из прозрачного зеленого стекла, 3 цилиндрическими и 4 шаровидными бусинами из такого же стекла, 10 цилиндрическими рублеными бусинами из красно-коричневого непрозрачного стекла, 14 цилиндрическими рублеными бусинами из черного непрозрачного стекла и 5 округло-сегментовидными бусинами из темно-синего непрозрачного стекла. При погр. 2б на тазовых костях найдена крупная сердоликовая бусина цилиндрической формы, рядом — перламутровая бусина дисковидной формы и бронзовая втулка из тонкой пластины.

Около северо-восточной стенки катакомбы за головами погребенных стоял гончарный красноангобированный кувшин с грушевидным туловом. В ногах лежал на боку гончарный красноангобированный кувшин с шаровидным туловом, здесь же стоял сероглиняный лепной горшок с грушевидным туловом и невысоким горлом.

Курган 28 в целом не выделяется из всей массы курганов могильника. Наличие же каменных выкладок на уровне древнего горизонта в кург. 31 и находка сразу двух фибул в одном погребении (находки фибул в Средней Азии очень редки) делают этот курган не совсем обычным.

Изделия из египетского фаянса, найденные на территории Советского Союза, исследовались уже неоднократно [6, с. 23—49]. Перечень таких изделий — бус и подвесок, происходящих с территории Средней Азии, приводит Б. А. Литвинский [2, с. 140].

Подвеска из египетского фаянса в виде кулачка-«кукиша» была обнаружена в кург. 3 Кую-Мазарского могильника [7, с. 110—111, 127]. Она напоминает ташраватскую подвеску (пальцы смоделированы довольно четко и рельефно, хотя и не очень глубоко, по запястью идут два валика), но имеет более толстый стержень и выглядит несколько массивнее. В катакомбе, где была найдена подвеска, находилось шесть захоронений, кости сильно перемешаны, и определить принадлежность и первоначальное положение подвески невозможно. О. В. Обельченко указывает, что подвеска была найдена вместе с бронзовым перстнем, бронзовыми обоями, бусами и двумя амфоровидными подвесками. Он датирует захоронения концом II в. до н. э. — I в. н. э. [7, с. 114].

Три фаянсовые подвески в виде кулачков-«кукишей» обнаружены в могильнике Туп-Хона в Южном Таджикистане [1, с. 59]. Две из них происходят из погр. 183. Одна подвеска зеленого цвета, выполнена очень реалистично, пальцы смоделированы рельефно и глубоко. Обратная сторона подвески плоская. Другая, покрытая голубой глазурью, более схематична, пальцы четкие, но менее рельефные, на запястье два слабообозначенных валика. Обратная сторона подвески округло-выпуклая. Третья подвеска происходит из погр. 262. Она зеленовато-голубого цвета, пальцы выполнены довольно схематично, на запястье два слабовыделенных валика. В этом же погребении найдены две фаллические подвески — голубая и зеленая [1, с. 61]. Вверху обе имеют по ушку для подвешивания. Первая воспроизводит участок бедер, вторая напоминает фертообразную фигурку с плоским основанием и сильно вогнутыми боковинами. Обе подвески из погр. 183 входили в состав нагрудного ожерелья вместе с пятью амфоровидными подвесками из египетского фаянса. В погр. 262 амулет-«кукиш» и фаллические подвески входили в состав ожерелья [1, с. 33—34, 61]. Оба погребения датируются концом I в. до н. э. — II в. н. э. [1, с. 63].

Подвеска из египетского фаянса в виде кулачка-«кукиша» с городища Кей-Кобад-Шах (слой II в до н. э. — первой половины I в. до н. э.)

[8, с. 302] аналогична подвеске из могильника Туп-Хона погр. 183. Так же реалистично выполнены пальцы, в том числе «кукиш», показаны все рельефные выступы ладони, запястье и часть предплечья [8, с. 302].

О находках еще нескольких древнеегипетских предметов, происходящих также с территории Северной Бактрии, сообщает Э. В. Ртвеладзе [9, с. 235–238]. В разрушенном погребении некрополя кушанского времени (вторая половина I в. — III в. н. э.) [9, с. 236] была обнаружена фаллическая подвеска голубого цвета фертообразной формы, сходная с ташраватской подвеской. Вместе с подвеской в этом погребении были найдены раковины каури, бусы, обломки бронзовых браслетов [9, с. 236]. Три подвески в виде кулачков, покрытые голубой глазурью, найдены на городищах Шуроб-курган, Талашкан-тепе II и Баба-тепе [9, с. 237]. Одна из подвесок, судя по рисунку, отличается от всех уже упомянутых: пальцы ее выполнены очень четко, но «кукиш» отсутствует, большой палец просто прижат к указательному, запястье охватывает четко выделенный валик [9, с. 237, рис. 23]. Описание и рисунки двух других подвесок не представлены. Все подвески собраны на поверхности городищ, датруемых очень широко — от первых веков до нашей эры до позднего средневековья [10, с. 235–238].

Несколько подвесок из египетского фаянса происходят с памятников Хорезма. В верхних слоях Кой-Крылган-калы найдена подвеска-«кукиш», покрытая голубой глазурью [11, с. 149, табл. XVII, 17]. По форме и характеру исполнения она напоминает подвески из Туп-хоны, но несколько уступает им по размеру: пальцы выполнены рельефно, в том числе и большой палец-«кукиш», черточками подчеркнуты даже ногти, на запястье намечены два валика, обратная сторона плоская.

Фаллическая подвеска из зеленовато-голубого фаянса обнаружена в среднем горизонте Кой-Крылган-калы [11, с. 149]. Подвеска фертообразной формы, с внешней стороны рельефная, с обратной — плоская. Аналогичная подвеска найдена на такыре в окрестностях Кой-Крылган-калы [11, с. 149].

На территории Средней Азии имеется несколько находок амулетов в виде конечностей, изготовленных из различных материалов явно в подражание изделиям из египетского фаянса. В Пенджикенте была найдена коралловая подвеска, которой была придана форма ноги. Подвеска сделана очень схематично: на коралловой ветке естественной формы резцом обозначены пять пальцев ноги. Обработка была произведена на месте — здесь же были найдены необработанные коралловые ветки [12, с. 138]. Больше всего таких подвесок обнаружено в Хорезме.

На Беркут-кале и на такыре близ Аяз-калы 3 найдены две совершенно одинаковые каменные подвески [13, табл. 27, 3, 83, 14]. Они выполнены очень реалистично, глубоко вырезаны все пальцы, в том числе и «кукиш», натурально переданы выступы ладони и запястье.

На такыре близ Беркут-калы найдено несколько каменных подвесок, представляющих собой очень схематичное изображение ладони: на треугольном кусочке камня (как правило, белого халцедона) намечены пять согнутых пальцев, расположенных в ряд, все остальные части ладони рельефно не выделяются совсем, а лишь намечены штрихами и линиями [13, табл. 27, 4, 5]. Аналогичные подвески найдены на Аяз-кале [14, с. 109, табл. 2, 8].

Отмечается бытование таких подвесок и в более поздние периоды — в средние века и даже в хорезмшахское время. «Подвески, схематично передающие сжатую в кулак руку, из белого кварца, часто со следами голубой краски на поверхности встречены в Кават-кале, на Шах-Сенеме и на ряде поселений хорезмшахского времени в левобережном Хорезме. Имеются такие подвески и из других пород камня» [11, с. 88].

Несколько подобных находок происходит с территории Ферганы. В кург. 116 могильника Карабулак обнаружена бронзовая подвеска в форме кулачка, но «кукиш» отсутствует, большой палец прижат к указательному. Вокруг запястья идет округлый валик. Подвеска в целом выполнена очень реалистично, пропорции ладони правильные, пальцы

смоделированы четко. Размеры подвески (в мм): высота 25, ширина ладони в верхней части 7, ширина запястья 4 [15, с. 22, рис. 5, 2].

В кург. 14 Тураташского могильника, расположенного неподалеку от Карабулака, обнаружена бронзовая подвеска в виде круглого стержня с отверстием посередине, оба конца которого оформлены в виде конечностей, причем довольно схематично. Трудно даже определить, какую конечность хотел изобразить древний мастер, но, видимо, это все-таки ступни ног, сделанные довольно грубо, с едва намеченными пальцами. Два валика, ограничивающих каждую ступню, и отверстие для подвешивания совершенно аналогичны валику и отверстию подвески из Карабулака [15, с. 22, рис. 5, 1]. Интересно, что в подбое кургана, где была найдена подвеска, костей человека не обнаружено. Почти в центре подбоя стоял глиняный горшок с ручками в виде голов горного козла, рядом с ним лежало бронзовое зеркало и подвеска, в юго-восточной части подбоя стоял еще один горшок и рядом два железных ножа. По всему подбою разбросано множество костей барана [15, с. 21].

Бронзовая подвеска, напоминающая карабулакскую, обнаружена в могильнике Лангари Ходжиен в Северном Таджикистане, но она гораздо более схематична: кулачок почти треугольной формы, очень широкий сверху и резко сужающийся к запястью, пальцы едва обозначены, на запястье, представляющем собой тонкий стержень, два массивных валика⁴.

Почти все описываемые амулеты являются скорее всего принадлежностью женских захоронений в отличие от Северного Причерноморья, где большая часть комплексов с изделиями из египетского фаянса приходится на долю детских погребений [5, с. 30]. Подвески из египетского фаянса и подвески, изготовленные им в подражание из другого материала, входили чаще всего в состав ожерелий⁵.

Еще в 1972 г. А. К. Коровина отметила, что в Северном Причерноморье могилы с египетскими амулетами не выделяются среди общей массы одновременных им погребений богатством инвентаря и что подвески встречаются лишь в небольшом количестве могил, как правило, по несколько штук в каждой [16, с. 111]. Ту же самую особенность можно отметить и в Средней Азии.

Известно, что в Египте амулеты, изображающие различные части тела, принадлежали чаще всего к так называемым «амулетам смерти» [17, с. 9]. Модели различных частей тела располагали на мумии для того, чтобы продолжились различные жизненные функции. Ф. Петри называет их еще «амулетами сходства» и считает, что идея двойника, alter ego, была целью ношения таких амулетов. Модель органа, подвергающаяся нападению злых духов, спасает от нападения реального человека [17, с. 2, 3]. Каждый из этих амулетов имел свое название и выполнял определенные функции. Модель глаза, например, символизировала силу зрения и призвана была поддерживать эту силу в загробной жизни. Изображение бородатой головы означало главенство, власть человека при жизни и сохранение ее после смерти. Аналогичные функции выполняли и другие «амулеты сходства» [2, с. 144; 17, с. 9]. Амулеты-«кукиши» и фаллические амулеты появляются в Египте только в римское время и несут на себе значение половой силы. Оба амулета изготовлялись в основном из фаянса, покрытого голубой или зеленой глазурью, в то время как другие «амулеты сходства» часто изготовлялись из камня или кости [17, с. 9].

Естественно, что значение амулетов в Древнем Египте нельзя механически переносить на аналогичные амулеты, найденные в других районах. В новом обществе древний смысл символов и культов должен был бы утратиться [5, с. 130].

А. К. Коровина в связи с находками египетских амулетов на территории Северного Причерноморья высказывает предположение о том, что «египетские амулеты клали в могилы лишь тех детей, родственники ко-

⁴ Сообщение А. К. Мирбабаева.

⁵ Очень интересным является погребение кург. 14 Тураташского могильника, где подвеска являлась, видимо, «заместителем» покойника.

торых поклонялись египетским божествам» [16, с. 111]. Вполне возможно, что в отдельных районах могли сохраняться отголоски египетских верований, но в большинстве своем египетские амулеты, найденные на территории Советского Союза, совершенно не связаны с египетскими религиозными представлениями.

Большинство исследователей рассматривают фаллические амулеты и амулеты-«кукиши» как апотропеические символы [6, с. 24; 16, с. 30] и как символы плодородия, причем фаллический амулет является мужским символом, а кулачок-«кукиш» — женским [18, с. 19]. Возможно, что помимо этих всеобщих значений у различных племен египетские амулеты несли еще свою собственную смысловую нагрузку, отражая верования этих племен.

В основном все вышеупомянутые амулеты из египетского фаянса на территории Средней Азии укладываются в хронологический период с I в. до н. э. по III в. н. э. Можно предположить и более раннее появление здесь таких подвесок. На это указывает подвеска-«кукиш» на городище Кей-Кобад-Шах в слое II в. до н. э. Верхнюю границу бытования таких подвесок определить трудно, так как подвески могли использоваться и передаваться по наследству в течение нескольких поколений. На территории Ирана, например, такие подвески были обнаружены в погребениях сасанидского времени [19, с. 158].

Б. Б. Пиотровский разделил все египетские амулеты на три хронологические группы — архаическую, эллинистическую и римскую. Последняя группа включает амулеты в виде фигурок богов, изображений животных, подвески в форме сердца, глаза, сжатой руки, фалла, виноградной грозди. Если в эллинистическую эпоху египетские предметы встречаются только на побережье Черного моря, то в римский период они распространяются по всей стране, в том числе попадают и на территорию Средней Азии [6, с. 25]. Большинство исследователей совершенно справедливо полагают, что подобные амулеты могли попасть сюда через Иран и Индию [6, с. 27], что подтверждается находками в Дура-Европосе [20], Таксиле [21], Беграме [22], Тал-и-Бахраме [19, с. 158], Дейламане [18, с. 8].

Б. Я. Ставиский указывает, что в кушанский период Среднюю Азию со средиземноморским миром соединяли три регулярных пути. Первый — водный, к портам Западной Индии; второй — Великий шелковый путь; третий — через степи западного Казахстана, Поволжья и Южной России [23, с. 304]. Египетские предметы могли попадать в Среднюю Азию посредством всех трех путей, но наиболее вероятным Б. Я. Ставиский считает путь через южнорусские и казахстанские степи [23, с. 304]. Вполне возможно, что в Фергану египетские предметы могли попасть и по Великому шелковому пути, так как часть этого пути проходила по Фергане.

Б. Б. Пиотровский учел около 700 предметов из египетского фаянса, найденных на территории Советского Союза, и считает, что все они распространяются из одного центра, так как обнаруживают между собой полное сходство [6, с. 27]. Небольшая группа таких предметов, происходящих с территории Средней Азии, не позволяет говорить об их полном сходстве. Из восьми вышеупомянутых подвесок-«кукишей» лишь две подвески (могильник Туп-хона, погр. 183; городище Кей-Кобад-Шах) обнаруживают между собой полное сходство. Остальные подвески отличаются друг от друга по форме, размерам, характеру проработки отдельных деталей, наличию или отсутствию валиков, имитирующих браслеты, характеру расположения этих валиков и т. д. Значительно большее сходство обнаруживают между собой фаллические амулеты. По крайней мере пять из семи вышеупомянутых фаллических амулетов могли быть изготовлены в одинаковых формах. И лишь амулеты из могильников Ташрават VIII и Туп-хона (погр. 183) совершенно отличаются от остальных амулетов, а также слегка различаются между собой. Достаточное разнообразие амулетов и сравнительная легкость их изготовления не позволяют полностью исключить возможность их изготовления в нескольких центрах.

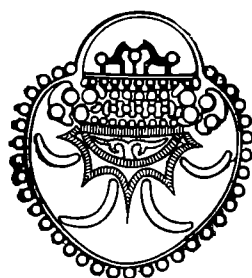
А. К. Коровина выдвинула предположение о местном производстве предметов из египетского фаянса в Северном Причерноморье [16, с. 108, 111]. Однако большинство исследователей считают, что местом их производства мог быть только Египет, основываясь на существовании в Египте тысячелетней традиции по производству таких предметов. Кроме того, только Египет обладал монополией на соду, необходимую для производства такого фаянса [5, с. 27; 6, с. 27–28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984.
2. Литвинский Б. А. Украшения из могильников западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
3. Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы. — СА, 1983, № 3.
4. Брыкина Г. А. Отчет о работе Ляйлякской экспедиции в 1982 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 9066.
5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, вып. Г1-12.
6. Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА, 1958, № 1.
7. Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. — Тр. СамГУ, кн. XXV. Ташкент, 1957.
8. Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. — МИА, 1958, № 66.
9. Рувеладзе Э. В. Несколько древнеегипетских предметов из северной Бактрии. — СА, 1977, № 2.
10. Рувеладзе Э. В. К обследованию древних городищ в Северной Бактрии. — АО — 1976. М., 1977.
11. Кой-Крылган-кала. М.: Наука, 1967.
12. Белецкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте. — КСИА, 1954, вып. 55.
13. Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
14. Пташников И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. — ТХАЭЭ, 1952, т. I.
15. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.
16. Коровина А. К. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории. — ВДИ, 1972, № 1.
17. Petrie F. Amulets. L., 1914.
18. Sono and Fukai. Dailamanz. The Excavation at Hassani Mahale and Ghalekuti, 1964. — The Tokio University Irak — Iran Archaeological Expedition. Report 8. Tokyo, 1968.
19. Stein A. An Archaeological Tour in the Ancient Persis. — Iraq, 1936, v. 3, № 2.
20. The Excavation at Dura-Europos. Preliminary Report of the Ninth Season. New Haven, 1964.
21. Beck H. C. The Beads from Taxila. — MASI, 1941, № 6.
22. Hackin G. Nouvelle recherches archeologiques a Begram. P., 1954.
23. Ставиский Б. Я. О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом. — В кн.: Древний Восток. М.: Наука, 1979.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

местах в небольших ямках, близких к уровню древней поверхности, были обнаружены скопления мелких кусочков окатанной глиняной обмазки и обточенных по краям черепков. Число их в каждом скоплении достигало нескольких десятков (рис. 2, 5—9). Всего вероятнее предположить, что это были остатки каких-то игр. Забавлялись ли этими играми дети или взрослые, определить невозможно, но иное употребление подобных находок, как нам представляется, вовсе исключено. Многостороннее изучение всех особенностей культуры полей погребений черняховского типа должно помочь лучше ее понять. Распространение среди населения, оставившего эту культуру, стеклянных жетонов и их глиняных подражаний, предназначенных для игр и для подсчетов, является характерным признаком для племен, вступивших в тесный контакт с провинциально-римским миром.

Более самобытные игры местного населения, в которых бы нашли отражение верования оседлых земледельцев и скотоводов, оставивших черняховскую культуру, к сожалению, нам неизвестны. Тем не менее описанные выше находки добавляют еще один штрих к характеристике культуры, заставляют обратить внимание на группу интересных находок, обычно публикуемых без всяких комментариев об их назначении ³⁷.

³⁷ После сдачи заметки в печать нам стали известны еще три пункта, где найдены игрально-счетные жетоны: 1) у с. Огринь близ Днепропетровска в урочище Подкова найдены два жетона из стекла белого цвета; 2) в погребении черняховского времени у с. Матлашево в Днепропетровской области (обе находки сделаны А. В. Бодянским); 3) у с. Фрунзовка Одесской области (раскопки А. А. Кравченко, выставлены в экспозиции Одесского археологического музея).

Д. П. ВАРХОТОВА

ОБ ОДНОМ КЕРАМИЧЕСКОМ БЛЮДЕ VII—VIII вв. ИЗ КУВЫ

При раскопках городища Кува¹ на холме, расположенном к северу от шахристана, был вскрыт буддийский храм², а юго-западнее храма — комплекс жилых и хозяйственных помещений, принадлежавших, видимо, к храмовому хозяйству. Оно датировано монетами второй половины VII — началом VIII в.³ Комплекс керамики с этого объекта дает примерно такую же датировку.

Среди керамического материала обращает на себя внимание уникальное декоративное блюдо, найденное в одном из помещений жилого комплекса. Оно сделано из розовато-желтой глины равномерного обжига. Бортик блюда низкий (диаметр 25,5 см), с утолщенным широким и плоским венчиком, оттянутым наружу. Пологие стенки незаметно переходят в донце. Дно среzano ножом по сырой глине и заглажено. Блюдо сделано на гончарном круге и затем доформовано руками. Внутри и снаружи оно покрыто красным легко смывающимся ангобом. Блюдо асимметрично — одна его сторона выше на 2 см. На высокой стенке снаружи при обрезке оставлен плоский выступ в виде равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к центру блюда; на нем частично сохранилась петля для подвески. Наличие этой петли позволяет предположить, что блюдо использовалось как настенное украшение (рис. 1).

¹ Городище Кува расположено в Ферганской области УзССР, на окраине одноименного райцентра.

² В. А. Булатова-Левина. Буддийский храм в Куве. СА, 1961, 3, стр. 241—250.

³ Монеты определены О. И. Смирновой.

Асимметричность стенок и наличие петли придавали блюду, висевшему на стенке, наклон, удобный для обозрения. Внутри по центру блюда имеется круглый, слегка приподнятый над общей поверхностью и оконтуренный рельефным бортиком медальон (диаметр 9 см), на котором вырезана восьмилепестковая розетка с заостренными концами лепестков и выпуклой кольцевидной сердцевинкой. От центрального медальона к краю блюда отходят пять пучков по пять волнистых линий в каждом. Между ними гладкие сектора, в одном из которых наклеплены три шарика (диаметр 1,5 см), прикрепленных барботином. Расположены они над выпуклым выступом на внешней плоскости. Такое совпадение вызывает аналогию с техникой крепления деталей на металлических предметах при помощи заклепок.

Блюдо сохранилось настолько, что возможна полная реконструкция его формы и орнамента. Это уникальное блюдо по технике изготовления ничем не отличается от основного комплекса кувинской керамики доарабского времени. Орнаментированная керамика представляет в Куве незначительный процент и тем большую ценность имеет блюдо с подобным, пока единственным для Кувы орнаментом, хотя мотив восьмилепестковой розетки существовал в Средней Азии и за ее пределами с глубокой древности. Его основой было изображение солнца или цветка лотоса.

Небесные светила, в том числе солнце, издавна занимали огромное место в системе древнейших религий⁴. Солярная символика разработана и использована в религиозных сюжетах манихейцами, сабейстами, буддистами и др.

Если сравнить орнамент нашего блюда с изображением солнечного диска в руках шиваистских божеств на деревянных иконах, росписях и серебряных блюдах⁵, то мы убедимся, что солнце здесь представлено в виде круга, внутри которого расположены радиально расходящиеся лучи или многолепестковые розетки.

Особенно интересно серебряное блюдо, происходящее из Индии⁶, в центре которого изображен пирующий Кувера, а от центрального круга к бортику расходятся выгравированные волнистые лучи. Я. И. Смирнов опубликовал несколько блюд, по характеру орнамента в некоторой степени перекликающихся с орнаментацией нашего блюда⁷.

Лучевая розетка кувинского блюда, безусловно, связана с солнечным культом и так же, как декоративные очажки X—XII вв., напоминает нам о домусульманских религиях в Средней Азии.

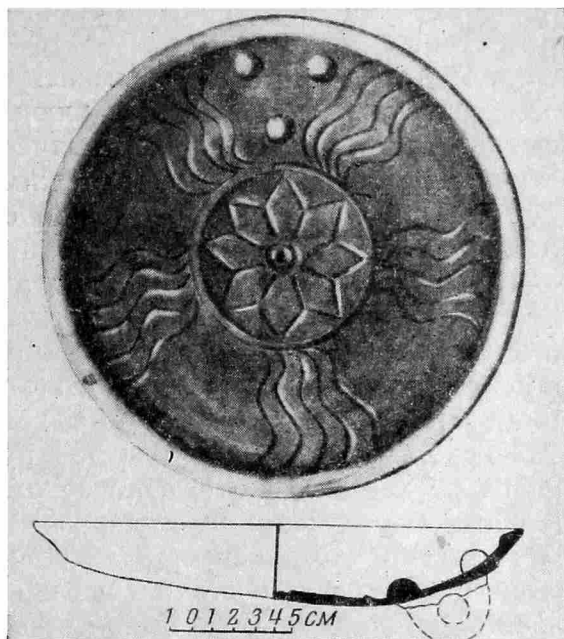

Рис. 1. Декоративное блюдо из Кувы (Узбекская ССР)

⁴ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда. (По материалам Пянджикентских храмов). В сб. «Живопись древнего Пянджикента». М.—Л., 1954, стр. 79.

⁵ Н. В. Дьяконова. Материалы по культовой иконографии центральной Азии домусульманского периода. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 267, рис. 4.

⁶ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. VIII; XVII, 41.

⁷ Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. VIII, 22, 23.

В огромном керамическом материале, накопленном за долгие годы археологических исследований в Средней Азии, до сих пор не встречалось настенных блюд. Есть сведения о существовании таких объектов в античной Греции⁸. В Средней Азии известная группа произведений торевтики — блюда и плоские чаши из золота и серебра — может быть отнесена к чисто декоративным. Это довольно низкие с диаметром 18—30 см блюда, украшенные глубоким рельефным орнаментом. Некоторые из них имеют у бортиков небольшие сквозные отверстия, за которые они могли быть подвешены к стене.

Знаменитое богато орнаментированное Аниковское блюдо имеет с внешней стороны петлю. Эти блюда едва ли могли использоваться в качестве столовой посуды. Керамические же декоративные блюда появляются как подражание металлическим.

К таким подражаниям можно отнести плоское керамическое блюдо, украшенное внутри геометризованным орнаментом из наклепных жгутиков, найденное в Пянджикенте⁹, а также чаши-тарелки Кафыр-Калы со штампованным орнаментом на внутренней поверхности¹⁰. Еще более ярким примером полного подражания металлическим блюдам является кувинское блюдо, где передана даже техника прикрепления петли при помощи заклепок.

Поскольку глина является хрупким материалом, то керамические блюда не дошли до нас, а на обломки их, встречавшиеся при раскопках, не обращали внимания.

Известно, что интерьеры монументальных зданий украшали росписями, резным шtukом, деревянной и глиняной скульптурой. Судя по настенным росписям Пянджикента, Балалык-Тепе, Варахши и других древних городов, где имеются изображения сцен из жизни того времени, мы можем говорить о том, что в украшении интерьеров также играли большую роль ткани, ковры и, видимо, различные мелкие произведения искусства, в том числе блюда из серебра, золота и глины. Примером использования настенных металлических блюд могут служить некоторые росписи Балалык-Тепе, где на стенах над головами пирующих изображены не понятые до сих пор круги желтого или серого цвета¹¹.

Это, видимо, не что иное, как декоративные металлические блюда (желтые — золотые, серые — серебряные).

Керамическое блюдо, найденное в Куве, — неизвестный ранее образец прикладного искусства Средней Азии VII—VIII вв. Выполненное руками древнего мастера, оно является свидетельством высокого уровня культурного и технического развития Ферганской долины в VII—VIII вв., когда наряду с другими ремеслами больших успехов достигло и гончарное.

⁸ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, табл. VIII, 101, стр. 51.

⁹ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента. Тр. ТАЭ, III, МИА, 66, 1958, стр. 131.

¹⁰ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на Согдийскую керамику VII—VIII веков. Тр. ГЭ, V, стр. 179, табл. 1.

¹¹ Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 103, 126.